

Сергей Золотарев

АЛКОГОЛИУМ

(рансодия)

памяти АМН

По утрам всякий раз отправляюсь к соседям
клянчить мелкую денежку — почти что всегда успешно.
Нет: достаточно выйти во двор, расставить сети:
обязательно встретишь знакомого — быстро спешишь

и в лабаз — за полторашкой «Охоты».

Ветряные мельницы на горизонте
говорят о прообразе дон Кихота
во внешности Бенджамена Глonti.

Как отпустит трясучка, гул в голове, приметность,
можно мягко опасть и внимать италийской воле:
как бушует на ветках пернатый этнос
под единственный сингл Риккардо Фольи.

Вот свобода — когда никуда не нужно.
И за каждым углом тебя ищет твоя Мерседес.
И уже кочевая твоя наружность
обживает внутреннюю оседлость.

Городская шпана на утренней биеннале...
Смотришь с лавочки, скрытой кустом черешни.
На фига тонируют стекла? В войну затемняли,
дабы скрадывать внутренний свет. Этих пугает внешний.

С Александр Михалычем можно побалагурить,
выпить, спеть и остаться в покое на ночь.
И всю ночь за окном прецессию гнет Меркурий,
а за водкой бегают Гурий Саныч.

И опять же — бумажный скотч на стекле перекрещен
от возможных в результате бомбежек трещин?

Глас осьмый. День девятый его запоя.
Александр Михалыч бродит во сне, грозя проемам.
Утром в мокрых рейтузах — само собою:

в соляном растворе вернее законы Ома.

Он встает и считает вместо купюр разводы
на клеенке, определяя их общий вектор.
Говорит, что в еврейской традиции под словами Природа
и Творец — понимают один, а не два духовных объекта.

Все зависит от восприятия окружающего мира.
Я же маюсь, когда мы рванем до бара.
На душе в это время темно и сыро.
Тору же обсуждать мешает пустая тара.

Слава Богу, Михалыч тоже желает омыться
в водопадах и струях огненных Флегистона.
Разговор с пророков, скинии и бар-мицвы
возвратился к насущным статьям притона.

Мы выходим в народ. И в бескудной кафешке, стоя,
наконец, потребляем невообразимое что-то.
Все пустое. И в эту среду проходчики Метростроя
забивают сваи, дабы держать пустоты.

К нам подходит худая немолодая пьянчужка,
дорогая подружка Михалыча — мне не стыдно:
я целую ее в лоб, за ушко,
пусть гуляет теперь, точно слово с титло.

Горемыка сидит на паперти. И примерных
в день набирает тысячи две, но надо делиться.
Богородица, с покровом представшая во Влахернах,
являлась и ей, ведает алкоголица.

Осенив ее пламенным омофором,
одарила навыком *tempo rubato*¹.
И она позабыла о мире, и стала вором
своей жизни, замедлившись до примата.

На глоток отстающий от времени быт — основа
и причина всемирного ускорения...
Потому-то и надо догнаться до плоскостного
штопора, в смысле, наполнить пустое время.

Михалыч ей возражает, убирая поилку,
что отставание, — в сущности, дар провидцам,
ибо можно рукой подвести, что упущено стрелкой,

потому и частить не надо, чтоб не напиться.

Надо же: улыбнулся,
когда падая, обозвала его импотентом.
Рассказал, что она — философский камень.
И когда-нибудь мы получим с нее argentum,
сданный в ломбард и сделавшийся деньгами.

Александр Михалыч репетиторствует — к Физтеху
нерадивых натаскивает малолеток.
Два часа математической дискотеки
вырывают для нас овощных котлеток

с коньяком. Что скорее — коньячным спиртом.
той бурды выпускают по всей Рассее...
Мы сидим и уговариваем литр in vitro
За беседой о трезвости и спасении.

Наблюдая в ближайшем к себе овраге
протекание бурных страстей «Арагви».

Приезжает Гала, души не чающая в поэте,
и ночует с нами без простыни и душа.
У нее есть деньги — и утро в розовом свете.
Да и ночь для женщины вроде туши.

Так проходит жизнь в золотом запое.
Постепенно смешиваются дни и ночи.
Раньше было поболее мордобоя,
но теперь мы стали слабей и проще.

Говорят: кто-то помер, из тех, с кем сидели
за столом в близлежащем культурном парке.
Но листва, истлев, остается в теле.
Человек — в душе. Мы поднимаем чарки.

Приезжают родители. Приходят жены.
Отправляют под капельницы в больницы.
Подшивают на год. И целый год напряженно
я пишу стихи и жду возможности похмелиться.

¹Дословно: «украденное время» — варьирование темпа при исполнении произведения академической музыки, несколько отклоняющееся от заданной композитором темповой инструкции. Один из элементов трактовки произведения исполнителем.